

УДК 821.161.1.09-32+929Чехов

МЕДИЦИНСКИЕ МОТИВЫ В РАННИХ РАССКАЗАХ А. П. ЧЕХОВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЕГО ВРАЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

И. Ф. Мифтахов

Мифтахов Искандер Фуадович, аспирант кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы, Самарский государственный социально-педагогический университет, tisk@mail.ru

В статье представлен систематический анализ ранних рассказов А. П. Чехова (1880–1884), в которых присутствует тема медицины в современном обществе, образы пациентов и врачей, мотивы болезни и лечения. Показано, как личный опыт Чехова – практикующего врача – оказал влияние на проблематику и поэтику рассказов данной тематики. Прослежена их жанровая и идейная эволюция в движении писателя к зрелому творчеству.

Ключевые слова: А. П. Чехов, Человек без селезенки, поэтика псевдонима, тема медицины, образ врача, образ пациента, творческая эволюция.

Medical Motives in the Early Stories by A. P. Chekhov as a Reflection of his Medical Practice

I. F. Miftakhov

Iskander F. Miftakhov, ORCID 0000-0001-7144-4088, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67, M. Gorkogo str., Samara, 443099, Russia, tisk@mail.ru

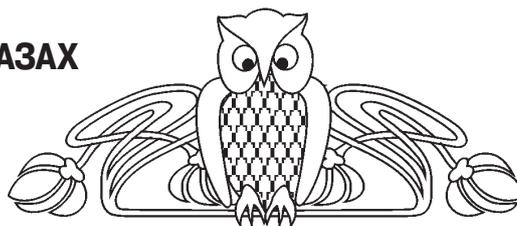
The article presents a systematic analysis of A. P. Chekhov's early stories (1880–1884) in which the topic of medicine in the contemporary society is featured, as well as the images of doctors and patients, motives of illness and treatment. It is shown how Chekhov's personal experience as a general practitioner influenced the problem range and poetics of the stories with this topic. Their genre and idea evolution has been traced in the author's movement towards maturity.

Key words: A. P. Chekhov, A Man Without a Spleen, pseudonym poetics, topic of medicine, image of a doctor, image of a patient, creative evolution.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-4-435-439

В творчестве А. П. Чехова, как известно, большое место занимают темы, связанные с врачами и медициной. О неразрывной связи врачебной и творческой деятельности писатель шуточно говорил: «Медицина – моя законная жена, а литература – любовница. <...> Не будь у меня медицины, то я свой досуг и свои лишние мысли едва ли отдавал бы литературе»¹.

Исследователи, рассматривая творчество писателя, приходят к выводу, что врачи часто становятся положительными героями его произведений. Это скромные труженики, интеллигенты-демократы, примером которых может служить Осип Дымов, пожертвовавший жизнью для спасения больного ребенка («Попрыгунья» (1892)). Герои

такого типа готовы к подвигу во благо человечности и науки².

В рассказах и повестях на медицинскую тему проявляется психологическая наблюдательность Чехова-врача. Об этом свидетельствуют воспоминания заведующего Воскресенской лечебницей П. А. Архангельского, наставника молодого доктора Чехова: «Душевное состояние больного всегда привлекало особенное внимание Антона Павловича, и наряду с обычными медикаментами он придавал огромное значение воздействию на психику больного со стороны врача и окружающей среды»³. К. Халикова в статье «Доктор Чехов» прослеживает, как через описание болезни быт у Чехова становится бытием: «Он видит связь болезни с психическим состоянием человека. Как врач, он достоверно знал, что внутренний мир человека обостренно и нервно связан со средой и бытом». В произведениях Чехова «обычный случай из врачебной практики превратился в яркое описание социальных болезней»⁴. В. Ф. Стенина отмечает, что «процесс болезни персонажа и его лечения в ранней прозе писателя часто оказывается в центре повествования»⁵, составляя кульминацию сюжета.

При этом исследователи не касаются вопроса о том, как Чехов оттачивал свое мастерство в изображении болезни и больного. Мы ставим целью осмыслить проблематику и поэтику произведений, связанных с темами медицины, с образами врачей и пациентов, в раннем творчестве Чехова. Для достижения этой цели мы ставим задачей систематизированно рассмотреть фельетоны и юмористические рассказы 1882–1884 гг. При жизни писателя эти произведения выходили в юмористических, так называемых тонких журналах: «Осколки», «Будильник», «Свет и тени», «Зритель» и др. Их научный анализ, в первую очередь текстологический, был предпринят Л. М. Долотовой, Л. Д. Опульской, А. П. Чудаковым⁶ – авторами примечаний к Полному собранию сочинений и писем писателя.

Начинающий автор, Чехов искал разные пути создания комического эффекта. Предметом его сатирического переосмысления поначалу становились популярные жанры, официальные и художественные. Отличается остроумием юмореска под говорящим заглавием «Перепутанные объявления» (1882). Рекламные извещения врачей разных специальностей, так знакомые читателю XXI в., волею судеб перепутаны с торговыми и правительственными объявлениями. За смешной

путаницей раскрываются реалии современного мира, в котором медицина, помощь людям превратилась в особую отрасль коммерции: «Конкурсное правление по делам о несостоятельности купца Кричалова продает за ненадобностью рак желудка и костоеду». Или: «По случаю ненастной погоды зубной врач Крахтер вставляет зубы. Панихиды ежедневно». Или: «С 1-го февраля будет выходить без предварительной цензуры акушерка Дылдина. Всякая подделка строго преследуется законом»⁷. Уже в этом, небольшом по объему произведении мы встречаемся с сатирой Чехова, направленной на уродливые явления общественной жизни.

Фельетон «Новая болезнь и старое средство» (1882), состоящий из 11 строк, пародирует заметку в специализированном медицинском журнале. Автор описывает симптомы некоего нового заболевания, которое он «открыл». Методика лечения, им предложенная, разоблачает рутинность приемов и стандартность мышления современной медицинской науки: «... Я советую учащимся перед уходом в училище принимать хинин» (II, 249).

Юмористическими эпизодами лечения пациентов современными «эскулапами» Чехов продолжает традиционный жанр сенок, которыми перемежались серьезные театральные постановки или домашние спектакли в чеховское время («Сельские эскулапы» (1882), «И прекрасное должно иметь пределы!» (1883), «Хирургия» (1884), носящая подзаголовок «Сценка»). Фабула сценки понятна каждому русскому человеку – прелести бесплатной медицины. В земской, т. е. бесплатной сельской больнице вместо доктора, отсутствующего по «уважительной» причине: «уехал жениться» – принимает фельдшер Курятин. К нему обратился дьячок Вонмигласов. Он долго объясняет, как лечил зуб способами нетрадиционной медицины. «Образованный» фельдшер протестует: «Предрассудок... (пауза) вырвать его нужно...» (III, 41). Но и профессиональная медицина оказывается не эффективнее народной. Фельдшеру так и не удается проделать простейшую операцию. Тем не менее, он уверен в своей причастности к просвещенному сословию: «Хирургия, брат, не шутка...» (III, 42). Но когда оскорбленный пациент его ругает, фельдшер отвечает грубо: «Ничто тебе, не околеешь!» (III, 43).

Финал рассказа, предвещая поэтику зрелого Чехова, соединяет сатиру и трагедию. Несчастный дьячок, придерживая щеку рукой, уходит. Его единственная месть – он уносит церковную просфору, приготовленную в подарок для спасителя. Скромный дар бедного пациента, но достаточно символический. Так в финал смешной сценки вторгается религиозно-моралистическое начало.

О том, что врачебная латынь и специфические приемы становятся для персонажей, претендующих на ученость, способом пустить пыль в глаза, повествуют рассказы «Сельские эскулапы» (1882), «Ночь перед судом» (1882), «У постели больного» (1884). В первом за отсутствием доктора два фель-

дшера осуществляют прием больных: «Дайте ему olei ricini и ammonii caustici!» (касторового масла и нашатырного спирта. – И. М.), «Кузьма Егоров скромно опускает глазки и храбро прописывает Natri bicarbonici, то есть соды» (I, 196). В произведении с подзаголовком «Рассказ подсудимого» ловкий авантюрист, желая втереться в доверие к очаровательной даме (как впоследствии оказалось, жене прокурора), объявляет себя врачом и пишет рецепт из случайно пришедших на ум латинских фраз. (III, 123). Истинный интеллигент никогда не станет выставлять свою ученость на показ.

О том, как связаны сюжеты чеховских рассказов с общественно злободневными событиями, свидетельствуют сюжеты рассказов «На магнетическом сеансе» (1883), созданного под псевдонимом «Человек без селезенки», и «Страшная ночь» (1884). Толчком к замыслу последнего послужил сеанс гипнотизера Роберта, широко разрекламированный в газете «Московский листок» и журналах «Мирской толк», «Свет и тени». Писатели конца XX в. смеялись над подобными магнетическими сеансами, например Л. Н. Толстой в своей пьесе «Плоды просвещения» (1891). В письме к А. С. Суворину Чехов вспоминал, что сам в начале 1880-х гг. был на спиритическом сеансе, вызывал дух И. С. Тургенева, который будто бы ответил: «Жизнь твоя близится к закату» (III, 568–569).

Чехов высмеивает это увлечение, поголовно захватившее русское общество. «Страшная ночь» представляет собой пародию на модный жанр «страшного» фантастического рассказа. Автор воспроизводит последствия спиритического сеанса. Мертвый переулочек, гробы, крики и ужасы... Все это становится итогом нервного напряжения, испытанного героями на сеансе. Встретившись на улице, рассказчик Панихидин и доктор делятся друг с другом галлюцинацией – каждый из них видит дома гроб. Медицинское образование и врачебный скептицизм не стали помехой. Бедный доктор дрожит всем телом (III, 145). Причины появления гробов оказываются самые прозаические: их припрятал разорившийся друг-гробовщик.

Герой рассказа «На магнетическом сеансе», молодой человек, осязанием узнал пятирублевку. Осознал свое дарование и определил его как наследственное: «Мой папаша был доктором, а доктора от осязания узнают качество бумажки» (II, 31). Так «магическая» тема становится предлогом для разоблачения взяточничества врачей, которые ждут от пациентов прежде всего платы за труды.

Этот рассказ характерен для ранней прозы Чехова. В нем за карикатурными образами врачей просматривается внутреннее осознание наступившей коррозии чувств и нравственности персонажей. Среди сюжетов, связанных с визитами докторов и проблемами оплаты их пациентами, можно назвать также рассказы «Филантроп» (1883), подписанный псевдонимом «Человек без селезенки», «Месть женщины» (1884). В послед-

нем рассказе заболевшего мужа дома не оказалось, и доктор вынужден объясняться с его женой, которая не захотела платить за несостоявшийся визит. «Но, сударыня, – безапелляционно заявляет врач, – не могу же я уехать, не получив за свой труд!» (II, 330). Далее следует многозначительная чеховская пауза. Финал рассказа сообщает, что доктор получил свое, только не деньгами: «Было и досадно, и совестно, и приятно...» (II, 332). Заключительная фраза, произнесенная устами доктора, не оставляет сомнения в цинизме современных эскулапов: «Никогда не следует брать с собой из дому много денег!» (II, 332). Также многозначителен финал рассказа «Филантроп», герой которого – молодой врач, влюбленный в пациентку: «Впрочем, поставлю точку. Одну точку я всегда предпочитал многоточию. Поставлю точку и теперь» (II, 85). В подобных рассказах, взятых из медицинской практики, уже угадываются открытые финалы произведений более позднего периода творчества.

Анализ показывает, что в 1883–1884 гг. Чехов-юморист поднимается на более высокую ступень социального обобщения и психологического раскрытия характеров. Особенно это заметно в рассказах на «медицинскую» тему. Теперь они представляют произведения с развернутым сюжетом, с использованием оригинальных художественных приемов, вплоть до гротеска и фантастики.

Тем же псевдонимом «Человек без селезенки» подписан фантастический рассказ «Наивный леший» (1884) с подзаголовком «Сказка». Действие происходит в сказочном лесу; действующие лица – леший, «хорошенькая русалочка». Но этим исчерпывается фантастическое содержание. Леший повествует русалочке о мире людей, о тех профессиях, которые он там приобрел, среди них – врачебной. Его рассказ исполнен иронии: «Хотя я и не увеличил процента смертности, но все-таки был замечен» (II, 345). «Наградой» для хорошего врача стала должность в учреждении для бедных: «В повышение меня назначили врачом в Московский воспитательный дом» (II, 345). Но и здесь доктор был втянут в дрязги и решил (как многие его коллеги человеческого рода), что лучше будет перейти в коммерцию.

Завязка рассказа «Разговор» (1883) состоит в том, что «особы обоего пола <...> порешили так, что если бы на этом свете вовсе не существовало докторов, то было бы прекрасно, по крайней мере, люди не так бы часто болели и умирали» (II, 96). Но в финале полемики скептики пришли к выводу, что «если бы на этом свете не было докторов, то было бы ужасно» (II, 98). Оказывается, доктора участвуют в создании лицемерного покровра тайны над проблемами семейными и государственными. Жена полюбила другого и, чтобы обеспечить условия измены, пошла к доктору просить помощи: «Доктор приходит к мужу и во имя здоровья жены приказывает ему отказаться от своих супружеских обязанностей...» (II, 96). А старичок-чиновник приводит в пример пользу докторов для безбедной

службы. Генерал стремился реформировать свое ведомство. Чиновники, чтобы избежать ревизии, обращались к доктору: «Спроводи ты его за границу! Жить нет возможности». «Сейчас за границу, а реформы – тю-тю» (II, 97), – торжествующе резюмирует чиновник.

На тему общественного лицемерия создана одна из жемчужин творчества раннего Чехова – рассказ с обобщающим, социально-обличительным заглавием «Ряженные» (1883), за известной нам подписью «Человек без селезенки». В нем семь отрывков, формально не связанных между собой, но объединенных задачей разоблачения современных ханжей и лгунов в разных сферах жизни. Среди них молодой профессор, якобы преданный медицине, науке, высоким идеалам. На лекции профессор уверяет, что «наука всё! – она жизнь!» (II, 7–8). Профессор – тоже ряженный, хамелеон, ибо после лекции он заявляет жене: «Теперь я, матушка, профессор. У профессора практика вдесятеро больше, чем у обыкновенного врача. Теперь я рассчитываю на 25 тысяч в год» (II, 8).

Рассказ «Надлежащие меры» (1884) предвещает появление шедевра зрелого Чехова – известного рассказа «Хамелеон» (1898). В нем тоже местом действия становится заштатный городок, фабула основана на рейде санитарной комиссии: «Санитары идут и <...> толкуют о нечистоте, вони, надлежащих мерах и прочих холерных материях» (III, 62). В лавке врач делает санитарный осмотр и в гречневой крупе обнаруживает... котят. Вместо возмущения гуманный доктор залепетал: «Кисаньки... кисаньки! Манюночки мои!» (III, 63). Комиссия закусьивает, выпивает под водочку. Через два часа идет обратно. Вид утомленный, но поработали на славу: «Один из городских, торжественно шагая, несет лоток, наполненный гнилыми яблоками» (III, 64). Финальная реплика исполнена сарказма: «Так и вся жизнь наша!» (III, 65).

Вершиной раннего прозы Чехова на выбранную тему мы считаем рассказ «Из дневника помощника бухгалтера» (1883). А. П. Чудаков полагает, что в этом рассказе Чехов впервые создает целостный человеческий характер. Рассказ исключительно лаконичен и вместе с тем художествен⁸.

Дневник – традиционная для XIX в. форма раскрытия внутреннего мира персонажа⁹. Дневник помощника бухгалтера состоит из 8 записей. Герой на наших глазах проживает более двадцати лет жизни. Но это не жизнь, а прозябание в ожидании того, как умрет бухгалтер и помощник займет его место. Ничтожество умственных интересов подчеркивает его интерес к «медицине», к своему здоровью, красной нитью проходящий через дневниковые записи. Где-то холера, кто-то где-то помер, сам же он страдает катаром желудка. Даже известную вспышку чумы в станице Ветлянской, взбудоражившую русское общество и подвигшую интеллигенцию на по-

мощь, этот мещанин оценивает как опасность, грозящую, за сотни верст, персонально ему. Невежество человека, притязającego на высокую должность, иллюстрируют рецепты, которые он собирает везде – от сердобольных старушек до светил медицины. В записи от 2.01.1870 г. читаем: «Хочу с катаром к доктору Боткину сходить. Говорят, хорошо лечит...» (III, 157). В финале карьерные планы персонажа рассыпались в прах. Но он не теряет надежды. Последним аккордом его никчемной жизни становится запись тоже на «медицинскую» тему: «Швейцар Паисий посоветовал от катара сулему употреблять. Попробую» (III, 157).

Жанр рассказа «У постели больного» (1884) Чехов определял как «мелочишка» (III, 564). Это типичная ситуация врачебного консилиума, когда у двух докторов три диагноза. Доктора спорят, употребляя медицинские термины: «консервативный метод», «режим», «конституция», «сильное возбуждающее» (III, 127). Больной же каждый термин понимает как политический призыв: «Нынче ведь и стены слышат»; «Ах, господа, не говорите так громко!.. Под окнами люди ходят... у меня прислуга... Ах!» (III, 127). Чехов, реагируя на ситуацию конца века, на режим Победоносцева, показывает, как в душе мелкого чиновника сидит страх. Герои этих двух рассказов являются первыми набросками на пути создания грандиозного типического образа Беликова из повести «Человек в футляре» (1898).

Большинство «медицинских» рассказов Чехова подписано псевдонимом «Человек без селезенки» (варианты: Ч. без С., Ч.Б.С., С.Б.Ч.). Он был вторым среди чеховских псевдонимов по частоте использования¹⁰. Следует рассмотреть вопрос, которого не касались исследователи, – вопрос о происхождении этого, одного из самых популярных псевдонимов раннего Чехова. То, в чем рядовой читатель видит словесный каламбур, является бытовой формулировкой реального диагноза – асплинии¹¹. В 1882 г., когда этот псевдоним впервые появился в произведениях писателя, Чехов был студентом 3-го курса медицинского факультета Московского императорского университета и только что сдал на «удовлетворительно» экзамен по анатомии человека. Возможно, писатель почерпнул идею псевдонима из работ великого русского врача, профессора С. П. Боткина. Чехов считал его образцом врача и ученого. «В русской медицине он то же самое, что Тургенев в литературе...» (III, 264), – так оценивал Чехов масштаб личности Боткина. В своих исследованиях Сергей Петрович доказал, что человек может жить вообще без селезенки. Кроме того, путем опытов он выяснил, что размер селезенки уменьшается при различных волнениях¹².

Чехов выбором псевдонима намекал просвещенному читателю, что человек без селезенки – это человек пристрастный, полный переживаний о духовном состоянии и общественной жизни

своих современников. Символично, что впервые псевдоним появился в 20-х числах января 1882 г. в журнале «Москва», где была опубликована рецензия Чехова на постановку пьесы В. Шекспира «Гамлет» в московском Пушкинском театре. Последний раз Антон Павлович использовал псевдоним «Человек без селезенки» в июне 1892 г. в рассказе «Рыбья любовь» (VIII, 51–53). К этому моменту писателю уже исполнилось 32 года, позади была поездка по Сахалину, работа уездного врача. Мы полагаем, что Антон Павлович психологически вырос из этого псевдонима, который, тем не менее, много дал и ему, и русскому читателю.

Углубленный анализ подтверждает связь медицины и творчества в жизни Чехова. Литературный дар и медицинское мышление плодотворно соединяются в его ранних рассказах при изображении реалий российской действительности последней четверти XIX в. Уже в ранних рассказах Чехов подробно прорисовывает образы врачей, фельдшеров, больных; усложняет «медицинские» сюжеты, почерпнутые из повседневной профессиональной жизни. Терминологию – диагнозы, названия лекарств и профессионального инструментария – Чехов использует в качестве стилистического приема для погружения читателя в медицинскую атмосферу. Перед нами впервые предстает характерный лаконизм начинающего автора. Он, конечно, еще «на взлете» своего творческого пути, но тема медицины еще не раз найдет свое отражение в таких произведениях, как «Остров Сахалин», «Палата № 6», «Дядя Ваня», «Ионыч».

Примечания

- 1 Летопись жизни и творчества А. П. Чехова : 1883 // Летопись жизни и творчества А. П. Чехова : в 4 т. М., 2000. Т. 1 : 1860–1888. С. 105.
- 2 См.: *Белкин А.* Чехов Антон Павлович // Большая советская энциклопедия : в 51 т. / под. ред. Б. А. Введенского. Т. 47. М., 1957. С. 279.
- 3 У стен Нового Иерусалима : история города Воскресенска-Истры / отв. ред. Н. А. Абакумова. М., 2010. С. 389–390.
- 4 *Халикова К.* Доктор Чехов // Литература. 2007. № 19. С. 12–13.
- 5 *Стенина В.* Мифология болезни в ранних рассказах А. П. Чехова (1880–1883) // Культура и текст : миф и мифопоэтика : сб. науч. тр. СПб. ; Самара ; Барнаул, 2004. С. 168.
- 6 См.: *Долотова Л., Опульская Л., Чудаков А.* Примечания // Чехов А. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. М., 1974–1982. Т. 2. Рассказы. Юморески, 1883–1884. С. 467–559.
- 7 *Чехов А.* Перепутанные объявления // Чехов А. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Т. 2. С. 183. Далее все ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы в скобках.

- ⁸ См.: Чудаков А. Примечания // Чехов А. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Т. 2. С. 503.
- ⁹ См.: Чудакова М. Дневник // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. / под ред. А. А. Суркова. М., 1964. Т. 2. Стб. 707–708.
- ¹⁰ См.: Указатель псевдонимов Чехова : тт. I–XVIII // Чехов А. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Т. 18. С. 337–338.
- ¹¹ См.: Аспления (asplenia; a- + греч. splen селезенка; син. алиения) – аномалия развития: отсутствие селезенки // Энциклопедии & словари. Медицинский словарь. URL: <http://enc-dic.com/medicine/Aspleniya-2061.html> (дата обращения: 14.08.2017).
- ¹² См.: Боткин С. О сократительности селезенки и об отношении заразных болезней к селезенке, печени, почкам и сердцу // Боткин С. П. Курс клиники внутренних болезней и клинические лекции : в 2 т. Т. 1. Вып. III. М., 1950. С. 83.

Образец для цитирования:

Мифтахов И. Ф. Медицинские мотивы в ранних рассказах А. П. Чехова как отражение его врачебной деятельности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 435–439. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-4-435-439.

Cite this article as:

Miftakhov I. F. Medical Motives in the Early Stories by A. P. Chekhov as a Reflection of his Medical Practice. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 435–439 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-4-435-439.
